

ВЛАДИМИР БЕРЕЗКО

СУДЬБЫ ДЖОНА
СЕГЕРСА

Владимир Березко
Судьбы Джона Сегерса

«Научная библиотека»

2026

УДК 82
ББК 84

Березко В. Э.

Судьбы Джона Сегерса / В. Э. Березко — «Научная библиотека»,
2026

ISBN 978-5-907954-85-4

Аристократический лоск и изощренный ум... Разведчику – герою этой книги не раз приходилось делать сложный нравственный выбор. И жизнь подтверждала его правоту...

УДК 82

ББК 84

ISBN 978-5-907954-85-4

© Березко В. Э., 2026

© Научная библиотека, 2026

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Березко

Судьбы Джона Сегерса

© Березко В., 2026

© Издательский дом «Научная библиотека», 2026

Часть первая

Агент британского премьерера

Глава 1

Трещинки струились по стене большого старинного дома. Они бежали по ней, словно маленькие, но очень быстрые змейки, соревнуясь между собой в скорости и оборотистости. Змейки растаскивали еще недавно плотную стену на десятки, сотни, тысячи маленьких кусочков, которые все больше и больше отдалялись друг от друга.

И ширина трещинок на стене разрасталась. Из них появились тревожные облачка ядовито-удушливой пыли. И если смотреть на это зрелище со стороны, то складывалось вполне устойчивое впечатление, что дом, используя стены, начинает шумно дышать, словно легкие у человека. Вздохи становились все более шумными и глубокими – облако пыли заволокло всю стену удушливым белым покрывалом.

Змейки, мешавшие дому нормально дышать, наконец добежали до фундамента, и дом почти облегченно лопнул – первая стена, а за ней и остальные шумно, с огромным облаком пыли рухнули на фундамент и затаившуюся по соседству улочку старинного европейского города, объятую почти вселенским ужасом.

И стоило дому упасть, как в это же самое место попала еще одна бомба. Мощный взрыв взметнул в воздух причудливое месиво из разбитого кирпича, старой штукатурки и обломков мебели. Искусственный вихрь поднял помятую детскую коляску и закружил ее в воздухе. И через секунду обрушил все это вниз, словно похоронил мирную жизнь под обломками и толстым слоем пыли.

В подвале разрывы бомб почти не ощущались. Джон Сегерс воспринимал их так, будто кто-то неосязаемый – надевший шапку-невидимку великан – старательно и размеренно бил в большой барабан, находящийся где-то на улице. Глухие удары все-таки достигали сводов подвала, заставляя их немного дрожать, как будто от испуга. И своды подвала, так же как и стены дома, тяжело дышали, выдыхая в свое тесное пространство остатки почти вековой пыли.

Джон закашлялся. Он взял большую жестяную кружку и сделал несколько жадных глотков. Вода, в которую уже попала пыль, совсем не освежала. Джон с ненавистью огляделся вокруг. В подвале он находился всего один день, но уже ненавидел себя так, словно совершил что-то постыдное. Хотя его разум говорил обратное – нет ничего постыдного в том, чтобы проиграть сильному противнику...

Три дня назад...

Белые цветы парашютов распустились над Роттердамом почти в полном соответствии с законами природы – шла весна 1940 года. Но как только «цветы мая» (как окрестили их голландцы), соединялись с землей, мирные ассоциации быстро и необратимо исчезали. И вступали в свои права жесткие и безжалостные законы войны, которые по существу ими не были. Каким законом на земле и на небе можно оправдать убийство, возведенное в степень?

Джон поймал в прицел винтовки только что приземлившегося на землю парашютиста. Немец сначала упал, потом суетливо вскочил и принялся отстегивать лямки парашюта. Но, видимо, карабин заело, и он выхватил большой нож, висевший до этого на поясе. Джон видел, как немец поддел лезвием лямку и начал ее разрезать. В этот момент Джон выстрелил. Он хорошо видел, куда попала пуля – чуть левее парашютной лямки, почти в центр груди. Немец

вздрагнул от сильного удара, повернул голову в направлении выстрела и, не успев увидеть Джона, рухнул на покрытую пылью мостовую.

Джон и жители Роттердама – его соседи – два дня обороняли свою улицу от немецких десантников. Но когда «майские цветы» отошли, так и не выполнив поставленную задачу, прилетели бомбардировщики. Гнусаво поющие «Хейнкели-111» – одни, без сопровождения истребителей, методично, без всякой опаски накрывали бомбовым ковром старинные улочки родного для Джона города. Джон скрипел зубами от пыли и обжигающей нутро злости.

«Хейнкели» улетели, оставив смрадно чадящие и дымящие костры бомбовых ударов, пожары. И парашютисты снова пошли в атаку. Пули, выпущенные из автоматов, безжалостно и по-своему буднично выхватывали из линии обороны, организованной местными жителями и голландскими военными, все новых и новых жертв. Рядом с Джоном стрелял из винтовки капитан голландской армии. Но после автоматной очереди от немцев он глухо застонал, дернулся и затих. Джон остался один. И решил укрыться в подвале...

* * *

Сопrotивление Голландии продлилось совсем недолго – пять коротких майских ночей, полных яростного сопротивления, и пять длинных майских дней. И страна капитулировала. Фактически уже после капитуляции, принятия немецкого ультиматума немцы целый день бомбили Роттердам – беззащитный, сдавшийся город. Шансов, что гордая маленькая армия Голландии остановит гигантский раскрученный маховик германской военной силы, не было ни одного. Их не было просто в принципе. Панцер-дивизии и люфтваффе просто раскатали маленькую Голландию, словно хорошая хозяйка тесто в тонкий блин на своей кухне. Так Голландия оказалась изжаренной на сковородке имперских устремлений Германии.

Невидимый великан-барабанщик перестал играть свою нудную партию, и глухие удары прекратились. Своды подвала перестали испуганно вздрагивать и немного успокоились. Затихло и дыхание подвала – теперь уже вековая пыль не летела из разных щелочек и невидимых глазу трещинок в кирпичках. Джон подошел к большой железной двери, запертой на мощный засов. Прислонив ухо к холодному металлу, замер, пытаясь уловить хоть какие-то звуки снаружи. Но разрушенный дом молчал – словно мертвец. Джон взялся за большую ручку замка и надавил на нее. Ручка не поддавалась, потребовалось новое, почти утроенное усилие. Джон распахнул дверь, и в подвал хлынула мощная волна пыли. Но Джон шагнул ей навстречу, настойчиво продираясь наверх по осколкам кирпича и камней.

Улица, старая, добрая и до мелочей знакомая, сейчас просто исчезла. Джон смотрел на нее и плакал. Слезы, предательские, вызывающие обидную жалость к самому себе, настойчиво бежали на глаза и, не удержавшись, катились по щекам, оставляя мокрые, перемешанные с грязью следы-дорожки.

Кафе, в котором он был на прошлой неделе неделю – и будто целую вечность назад – корчилось в жестоких объятиях пожара. Тугие, нахальные языки пламени, заменив недавних мирных посетителей, съедали внутренности милого заведения. На всей улице осталось только одно уцелевшее после бомбежек здание – в самом конце. Дом, из подвала которого выкарабкался Джон, оказался разрушенным до основания. Дом, в котором Джон провел свою юность...

Год назад...

«Голландия самая мирная страна современной Европы, – восторженно вещал юноша с неприятным, с остро заточенными чертами лицом, – и ей нет необходимости держать мощные вооруженные силы. Тем более, что у нас есть даже авиация».

В школе для одаренных детей шел диспут на тему «Европа: современность и перспективы». Выступал Джуст Виссер – одноклассник Джона. Джон внимательно впитывал слова Джуста и практически ни в чем с ним не соглашался. Но пока Джон не торопился высказывать собственные сомнения. Джуст тем временем продолжал: «На Голландию вряд ли кто-то будет нападать. Даже Германия. Конечно, их фюрер постоянно вещает о завоевании жизненного пространства, но наша страна слишком мала, чтобы удовлетворить все аппетиты Германии. И поэтому я думаю, что немцы вряд ли станут на нас нападать...»

* * *

Джон выругался вслух и еще раз посмотрел на разрушенное мощным взрывом кафе.

Пламя внутри уже почти погасло, но вдруг стало разгораться с новой, почти необъяснимой силой. Джон понимал причину такого неожиданного возгорания, вспышки: внутри кафе находились канистры с горючим веществом – это мог быть и бензин, и даже спирт.

Улица – не только кафе – умирала. Джон прошел вперед и прикоснулся ладонью к закопченной поверхности уцелевшей стены хорошо знакомого дома. Бомбежка уже закончилась, но стена (Джон ощущал это ладонью) продолжала дрожать – от страха, обиды и, наверное, жажды мщения. Эта дрожь передавалась и Сегерсу. Дрожь стены разрушенного дома практически совпадала с биением сердца. Или сердце, возбужденно стучащее, вдруг стало передавать частоту пульса разрушенной стене, закопченной и посеченной осколками. «Ненависть, – подумал Джон, – тоже превращается в биение сердца...».

Улица казалась полностью пустой. Но вдруг сзади Джон услышал шаги. «Немцы?» – мелькнула короткая, отчаянная мысль. Он обернулся...

* * *

– Здравствуй, Джон! – Сегерс узнал в подходящем к нему юноше Марселя Янсена – школьного товарища. Лицо Марселя оказалось невероятно чумазым, а одежда покрыта белым слоем пыли. Выглядел он довольно комично, и если бы ситуация была другой, Джон наверняка бы рассмеялся. Но он только обрадовался. Обрадовался от чистого сердца. В последние дни он ни с кем не встречался.

– Здравствуй, Марсель! Что-то ты выглядишь не совсем презентабельно, – Джон даже попытался пошутить.

Марсель улыбнулся в ответ:

– То же самое вполне можно сказать и про тебя! Когда мы учились в школе, ты выглядел более прилично! – Марсель поправил ремень висящего на плече немецкого «Шмайсера». – Что ты здесь делаешь, Джон?

Марсель смотрел на него прямо и пронзительно.

– Немцы уже практически захватили Голландию.

– А ты, Марс, что здесь делаешь? – Джон тоже посмотрел на друга пронзительным взглядом.

– Я? Я хотел предложить тебе зайти ко мне в гости, – глаза Марселя блеснули на запыленно-чумазым лице, – у меня есть к тебе один очень интересный разговор.

Джон усмехнулся: – Скажи, Марсель, ты меня специально искал, или эта встреча оказалась случайной?

– Увы, в жизни на самом деле очень мало случайных встреч! По большей части они носят закономерный характер, потому что являются следствием нашего мировоззрения и наших поступков, которые тоже диктуются нашими мыслями и нашим отношением к жизни.

Джон посмотрел на Марселя с нескрываемой теплотой. Речь Марселя напоминала его выступления на школьных диспутах, где он постоянно спорил с одноклассниками на политические темы. Причина – отец Марселя – Эдвин, состоял в Коммунистической партии Нидерландов. И сын постепенно увлекся идеями социальной справедливости.

– Ты думаешь, что наша встреча не случайна? – Джон опять прямо смотрел на Марселя.

– Конечно, я в этом убежден! – Марсель опять поправил ремень «Шмайсера» на плече и подмигнул Сегерсу. – Может, продолжим разговор не на улице, а в более безопасном месте? А то после бомбежки и немцы могут на улице появиться...

«Безопасное место» Марселя выглядело очень непрезентабельно – он ютился в подвале полностью разрушенного дома. И, похоже, только он один знал проход через развалины в свой подвал. Продираясь сквозь пыльные и обгоревшие, испачканные черной копотью обломки дома, Джон порвал рукав куртки. Мысль тут же, словно чрезмерно услужливый официант, подсунула неуместное сравнение: «Будто в джунглях Юго-Восточной Азии или Латинской Америки». Мелькнувший флер воспоминаний о мирной жизни принес Джону небольшое облегчение. Путешествия с родителями в Латинскую Америку и экскурсии в местные джунгли были когда-то, но очень и очень давно – это время сейчас уже невозможно потрогать руками. Даже в собственной памяти. «До войны» – это уже другая планета, куда нет и не может быть никаких экскурсий. Просто потому, что немецкие «Хейнкели» не берут на борт туристов и при всем желании не смогут долететь до этой другой планеты. Для «Хейнкель-111» эта планета располагается совершенно в другой Вселенной.

Узкий проход в каменных джунглях закончился, и Джон, вслед за Марселем, оказался в небольшом, но довольно вместительном подвале. Наверху от здания остались только разбросанные по улице обломки, нагромождение изломанных чудовищной силой немецких авиабомб кирпичей, которые уже ни на что нельзя было употребить – наверное, только построить памятник человеческой жестокости, от которой крошатся камни и плачет земля.

– Проходи, Джон! – Марсель сделал приглашающий жест, не потерявший своей галантности среди разрушенного мира.

Да, Марселю хотелось именно пригласить друга – пусть в подвал, но именно пригласить, в свой, уже разрушенный, но – по воспоминаниям – все-таки дом. Джон сделал несколько шагов и подошел к роскошному дивану, который наверняка раньше украшал одну из квартир старинного дома. Сейчас Джон прекрасно видел, что дорогая обивка посерела от пыли и штукатурки. С диваном уже не церемонились – ткань местами прорвалась, и из прорех торчали клочки набивки. Да и местами диван казался просто черным – копоть и засаленность сделали свое дело, надежно упрятав под чернотой цвета радостно-мирную цветочную раскраску дивана.

«Скорее всего, до войны на этом диване красовалось цветочное поле», – подумал Джон.

Марсель бросил «Шмайсер» на диван и неторопливо уселся сам. Поворочался, устраиваясь поудобнее. Потянулся к стоящей рядом полуразрушенной тумбочке и достал оттуда початую бутылку виски. Дверь у тумбочки оказалась почти символической – она держалась всего на одной петле, уже готовой отлететь в пыльное пространство подвала.

Джон присел рядом. Вспомнил, что его винтовка осталась на позициях. В подвал он ее не взял. «Интересно, откуда у Марселя «Шмайсер»?» – мелькнула короткая и не совсем подходящая для этого момента мысль. Впрочем, в той же степени она казалась и подходящей: вдруг Марсель уже работает на немцев? Но эти подозрения Джон отогнал, словно стаю назойливых мух – Марсель не мог служить немцам. Для него смыслом жизни всегда была Голландия.

Марсель тем временем достал два металлических стаканчика и разлил по ним виски. Один стаканчик он пододвинул Джону.

– Извини, Джон, что не могу принимать тебя как в старые добрые времена, – Марсель поднес металлический стаканчик к губам и сделал обжигающий глоток, – пью за нашу случайную встречу. Я рад, что встретил тебя в Роттердаме.

Джон слушал с интересом и тоже пригубил виски.

– И я рад, Марсель, встретить тебя здесь в такое тяжелое время...

– А где твоя винтовка, Джон? – глаза Марселя нацелились Сегерсу прямо в переносицу.

– Оставил на позициях.

– Ты ушел с позиций?

– Нет. Я остался там один. И патроны закончились.

Молчание повисло в воздухе тяжелым, гнетущим грузом. Но ниточка, которая держала этот груз, звенела неминуемым обрывом, звенела беззвучно, на какой-то своей частоте, но грозно предупреждала о том, что обрыв неминуем.

Марсель сделал еще глоток виски.

– И что ты думаешь делать сейчас, Джон?

– Честно? Практически не знаю. Я думаю сейчас о том, как можно безопасно выбраться из города.

Марсель опять отхлебнул виски.

– А зачем? – вопрос прозвучал в пыльном, со следами копоти и гари подвале не совсем даже к месту.

– Затем, чтобы вернуться к нормальной жизни. Зажить, как и прежде. Марсель усмехнулся и внимательно посмотрел на Джона.

– Господин Сегерс, вы отдаете себе отчет в том, что вы говорите? – Марсель уколол приятеля насмешливым взглядом. – Ты действительно уверен, что сможешь зажить, как ты сказал, нормальной жизнью?

Джон промолчал. Покрутил в руках металлический стаканчик с виски. И задумался. Неторопливо, взвешивая практически каждое слово, ответил:

– Не уверен. Но, откровенно говоря, хочу попытаться. Хотя, еще раз скажу, я в этом абсолютно не уверен.

Марсель Янсен поставил стаканчик с виски на тумбочку.

– Я и хочу помочь тебе, Джон, обрести уверенность в своих силах и чувствах. Помнишь, в школе мы часто спорили о преимуществах нового общественного устройства под названиями «социализм» и «коммунизм»?

– Конечно. Особенно я помню, что твой отец состоял в компартии Нидерландов.

– Состоит. Компартия вовсе не исчезла с началом боевых действий. И даже если сейчас вермахт вышел победителем, то я не думаю, что навсегда. Помнишь, как я тебе рассказывал, почему, по мнению классиков – Маркса и Энгельса, разгораются пожары мировых войн?

Джон еще отхлебнул виски и внимательно слушал, держа стаканчик в правой руке.

– Помню.

– Так вот, мировые войны развязываются за передел мировых рынков. Супербогатые заставляют бедных воевать за их интересы. В ситуации с Германией, конечно, на первый взгляд, картина несколько иная. Здесь фюрер много говорит о праве немецкого народа на завоевание территорий. И даже – что завоеванная территория немедленно получает немецкую юрисдикцию. При этом права других народов немцев совершенно не интересуют.

Джон усмехнулся:

– Марсель, такое впечатление, что ты продолжаешь со мной давний школьный диспут?!

– Нет. Тем более, что мы уже давно не школьники. Сравнительно давно. Или сравнительно недавно. Когда начинается война, и Родина испытывает ужасные страдания, время течет по-другому. Быстрее. И каждый честный человек сегодня тоже делает выбор: либо покориться завоевателям, либо защищать свою Родину.

Джон внимательно посмотрел на Марселя:

– Иными словами, ты хочешь сказать, что нормальная жизнь сегодня – это сопротивление? Но как? Чем?

Марсель помолчал. Он словно что-то обдумывал и произнес:

– Как я тебе уже говорил, господин Сегерс, каким образом и чем противостоять оккупантам – это уже технический вопрос. Главное – это желание бороться с врагами. И готовность отдать для этого все свои силы. Коммунисты Нидерландов уже приняли это решение.

Джон слушал внимательно. Но задал короткий вопрос:

– Значит, Марсель, ты предлагаешь мне стать членом коммунистической партии?

Марсель отхлебнул виски, открыл когда-то полированную, а сейчас пыльную и посеченную мелкими каменными осколками дверцу тумбочки, осторожно придерживая ее, чтобы не отвалилось последнее крепление, и достал пачку галет. Прямоугольник бежевого цвета нес в себе довоенный, почти забытый вкус. Марсель улыбнулся:

– Поневоле вспомнишь пышные аристократические приемы в Роттердаме, которые проходили до войны. Помнишь, Джон, столы на них сервировались намного обильнее, чем у нас с тобой сейчас...

– Помню. – Джон вызвал в памяти приятную картинку. – Эта тумбочка, я так полагаю, раньше стояла в одной из квартир?

Марсель запил глотком виски приятно хрустящую на зубах галету:

– Это уже не так важно. Важно, что жизнь Роттердама и всей Голландии разрушена нацистами, которые почему-то решили, что им должен принадлежать весь мир. И напрасно они думают, что маленькая Голландия не способна к сопротивлению. Я никогда не приму точку зрения тех, кто считает, что лучше сотрудничать с оккупантами, чем сражаться. Это сотрудничество – на самом деле не сотрудничество, это предательство своей страны, Родины.

Джон, дослушав монолог Марселя, вновь задал вопрос:

– Я должен вступить в коммунистическую партию?

– Нет. Ты ничего не должен, Джон. Ты просто сделай выбор. А в партию вступать нет необходимости. Просто, если ты присоединишься к борьбе против захватчиков, то мы тебя будем считать настоящим патриотом.

Джон взял стакан с виски и немного помолчал. Потом неторопливо произнес:

– Я с вами, Марсель. Я не во всем согласен с коммунистами, но сейчас я буду с теми, кто сражается с захватчиками.

Марсель улыбнулся:

– Это очень правильное решение. Теперь нам нужно подумать о том, как выбраться из Роттердама.

Джон посмотрел на него с непониманием:

– А как же мы будем бороться с врагами?

Марсель показал кивком на почти пустую бутылку виски и пачку армейских галет:

– Я уверен, что на этом мы долго не протянем. Нужно выбираться из города в близлежащую деревню. Мои хорошие знакомые, я думаю, не откажут укрыть нас на какое-то время. Потом мы установим связь с другими группами Сопротивления.

– А как ты планируешь выбраться из города? – Джон обвел взглядом подвал и вновь обратил взор на Марселя.

– Я думаю, что из города мы будем выбираться под видом беженцев, поскольку наш дом разрушен прямым попаданием авиационной бомбы. Но мы в Роттердам обязательно вернемся...

Глава 2

Контрольно-пропускной пункт на выходе из Роттердама просеивал беженцев через придирчиво-немецкое сито досмотра. Солдат со «Шмайсером» грубо толкнул ногой тележку, на которой лежал тюк с одеждой. Короткая команда на немецком походила на резкий удар плетью.

– Шнель, шнель, – грубо орал солдат.

Джон бросил на него короткий злой взгляд. И немец его заметил. Солдат подошел ближе и, ткнув Джона в живот стволом автомата, спросил:

– Коммунист?

Джон улыбнулся почти непроизвольно.

– Нет. И никогда не был. Я иду к родственникам в деревню. В городе у меня ничего не осталось. Только вот эта тележка. Документы сгорели. Ваша администрация выдала справку.

Джон развернул сложенный вчетверо лист бумаги. Немец задумчиво поглазел на текст с печатями и махнул рукой в направлении выхода из города: давай, проходи. Джон подхватил ручки тележки и торопливо направился снова по дороге. Украдкой оглянулся. В длинной очереди беженцев он заметил лицо Марселя. Тот сосредоточенно поправлял укрытые покрывалом вещи на своей тележке.

* * *

Старинное название деревни в десяти километрах от Роттердама означало «Райское место». Джон сидел один за большим столом и ждал, пока милостивая фламандка накроет на стол. Женщина возилась с печью, доставая оттуда большой противень с булочками.

На столе уже стояли тарелки с голландским сыром, маслом и запеченной в печке телятиной. Потел после погребя кувшин с молоком. После посиделок с Марселем в подвале разрушенного дома стол перед Джоном действительно выглядел как «райское место». Джон украдкой посмотрел на женщину, когда она несла противень к столу. Моника – так звали хозяйку фермы «Райское место» – тоже соответствовала названию деревни. Джон почти любовался высокой грудью, узкой талией и мощными бедрами деревенской жительницы.

Моника поставила противень на стол и стала перекладывать булочки в большое фарфоровое блюдо. «Элегантно», – подумал Джон. От Моника веяло чистотой и умиротворением, словно свежим деревенским утром.

Хозяйка фермы славилась своей опрятностью и аккуратностью. «Вот она, настоящая голландка!» – с гордостью подумал Джон, зная о ее фламандских корнях, близких по духу голландцам. Она всегда и во всем была образцом: и в хозяйстве, и в уходе за собой.

Когда булочки оказались на блюде, Джон смог более пристально рассмотреть кулинарное творение Моника. Оказалось, что это не совсем булочки, как поначалу думал Джон, а своеобразные конверты из теста. Моника умело их склеила, внутри находилась самая разнообразная начинка: ветчина, сыр, зелень. Сладкие «конверты» Моника начинила домашним повидлом.

В комнату вошел Марсель. Он спал на чердаке (который выполнял в доме функцию второго этажа) и сейчас шел умываться – перекинутое через плечо полотенце свидетельствовало об этом весьма и весьма красноречиво.

– Доброе утро, Джон! Доброе утро, Моника! – Марсель первым делом поздоровался и направился к умывальнику. Долго, с наслаждением плескался и, наконец, подсел к столу.

Моника разложила по тарелкам «конверты», и за столом повисла сосредоточенная тишина. Марсель и Джон наслаждались вкусной пищей и домашним уютом. И оба не признавались даже себе самим, что им постоянно хочется любоваться хозяйкой фермы. Утро перели-

валось солнечным светом, острые лучи легкими копьями пронзали кружевные занавески комнат. В воздухе висел запах майской свежести и счастья. Если бы не война...

Марсель, мастерски управляясь ножом и вилкой, тщательно разрезал «конверт» с сыром и зеленью на несколько маленьких кусочков и аккуратно макал их в сметану, которую Моника поставила перед ним в отдельном фарфоровом блюдечке. После того, как Марсель отправлял их в рот, на его лице появлялось выражение, которое Джон с улыбкой назвал «неземное наслаждение в «Райском месте»». Марсель действительно выглядел счастливым. Прожевав очередной кусочек «конверта», он подцепил с блюда солидный кусок запеченной телятины и опять принялся сосредоточенно разрезать его на маленькие части.

Марсель посмотрел на Джона и весело произнес:

– Намного лучше армейских галет... Джон улыбнулся в ответ:

– Но там бутылка виски скрашивала недостаток пищи.

– Здесь и без бутылки виски прекрасно! Виски тут лишний напиток. Лучше пить за таким столом молоко из погребца!

Джон ухмыльнулся:

– На мой взгляд, Марсель, мысль весьма спорная. Но здоровое зерно в ней, конечно, присутствует!

Марсель посмотрел на Джона уже серьезно:

– Мы теперь должны думать не о виски и «конвертах» Моника, а о нашей главной задаче – борьбе с оккупантами. После завтрака обсудим наши первые шаги.

* * *

Чердак дома Моника напоминал скорее обстановку небольшого провинциального отеля. «Номер» оказался вполне просторным. На широкой кровати мирно дремали две подушечки и толстое одеяло в пододеяльнике. Марсель обвел рукой пространство вокруг:

– Согласись, Джон, мой номер лучше, чем твой!

Джон, конечно, согласился сразу, тем более, что ему пришлось спать в чулане на топчане. В домике были еще две комнаты и кухня. В одной комнате спала Моника. Но Джон не ощущал ни малейшей зависти к другу. Ему обещали предоставить вторую комнату. Условия у хозяйки фермы были намного лучше, чем в подвале разрушенного дома в Роттердаме.

– Садись, – Марсель показал рукой на небольшой столик, возле которого стояли две табуретки, – обсудим наши дела.

На столике с мягким шуршанием развернулась карта. Джон, прежде чем взглянуть на нее, спросил: – Марсель, а насколько можно доверять Монике? Она тоже в вашей партии?

– Нет. Моника держит молочную ферму. Типичный мелкий производитель, предприниматель. Хотя называть ее капиталистом как-то даже смешно. Особенно после ее замечательных «конвертов». Но она дальняя родственница моего отца. Ей сейчас 25 лет. Она несколько раз выручала нас в трудных ситуациях, и сейчас я опять обратился к ней. Если ты сомневаешься, можно ли Монике доверять полностью, то я скажу откровенно – да, можно. Иначе я тебя сюда никогда бы не привел. И не пришел сам.

– А почему у деревни такое название – «Райское место»? – Джон улыбнулся и внимательно посмотрел на Марселя.

– А потому что до войны здесь было действительно обустроено райское место: от Роттердама всего десять километров, но вокруг деревни прекрасные пастбища с зеленой травой, практически все жители держат коров. Помимо молока, производят сыр, масло...

– И «конверты»! – радостно подсказал Джон.

– Да, и «конверты» тоже. Монике, еще раз повторю, можно полностью доверять.

– Хотя она и не состоит в вашей партии?

– Ты прав, Джон, она – не коммунист. Но Моника просто достойная подданная своей страны, истинный патриот Нидерландов. Немцев просто ненавидит.

Марсель показал на развернутую карту Роттердама, накрывшую географическими линиями небольшой столик:

– Видишь, что это?

Джон посмотрел на хорошо знакомое расположение домов и улиц Роттердама:

– Вижу. Карта довоенного Роттердама. Здесь, правда, не видно тех разрушений, которые немцы причинили нашему замечательному городу. Исторический центр города практически уничтожен после бомбежки. И до сих пор там еще продолжаются пожары. Насколько я знаю, нас бомбили немецкие тяжелые бомбардировщики «Хейнкель-111».

– Обрати внимание, – Марсель ткнул в карту остро заточенным красным карандашом, – это наши явочные квартиры. Все они находятся в этих домах.

– А если дом разрушен после бомбежки? – Джон вопросительно посмотрел на Марселя.

– Значит, встреча будет проходить на другой квартире или даже в развалинах этого дома. Для каждой квартиры установлен свой пароль, который периодически будет меняться. Заметь, Джон, я посвящаю тебя сегодня в святые святых нашей партии – план нелегальной работы. Мы готовили его, опасаясь гонений на коммунистов со стороны властей Нидерландов, но применить его пришлось совершенно в другой обстановке.

Джон поудобнее устроился на табурете:

– А какая разница? Немцы коммунистов тоже не жалуют. Вчера на контрольно-пропускном пункте я неосторожно посмотрел на немецкого солдата...

– Неосторожно? Это как?

– Наверное, не сумел скрыть злость. Я абсолютно понимаю, что эмоции на нелегальной работе по большей части могут только навредить.

Марсель задумался и медленно произнес:

– Знаешь, Джон, это не совсем так. Любовь к Родине – одно из самых сильных человеческих чувств. Эта любовь и есть одна из сильнейших и важнейших эмоций. Понятно, что на нелегальной работе бездумно проявлять эмоции нельзя, но и без них все теряет смысл. Любовь к Родине – оазис счастья и духовной силы, а также духовного смысла. Скажу иначе: любовь к Родине – родник духовного счастья. Родник, из которого пьет чистую воду бытия наша душа, черпая из него все необходимое для Духа, для жизни, для Любви...

– То есть? – Джон смотрел на Марселя, ожидая ответа.

– А то и есть. Без любви к Родине и успешная нелегальная работа попросту невозможна. Как ты будешь выполнять разные поручения, рисковать своей собственной жизнью, а не только свободой, если у тебя не будет этой любви? Моральные стимулы (или, если выразиться точнее – духовные ценности) на нелегальной работе просто необходимы. Ни один человек не отдаст свою жизнь за деньги, даже за огромные деньги, только при условии наличия движения собственной души. И это очень справедливая оценка движущих сил нелегальной работы, особенно в нынешних условиях, когда гестапо будет нам активно противодействовать.

– Понимаю. – Джон кивнул. – Тогда с чего мы начнем?

Марсель накрыл часть карты ладонью, помолчал и неторопливо, размеренно произнес:

– Думаю, что начинать нам нужно с малого: сначала будем расклеивать листовки, которые печатает наша подпольная типография. Это очень ответственное и опасное дело.

* * *

На следующий день в дом Моника приехал отец Марселя – Эдвин Янсен – с несколькими тюками на большой тележке. Марсель и Джон быстро и сноровисто перетаскали тюки на чердак. Следом за ними поднялся и отец Марселя. Джон плюхнул последний тюк на пол и спросил:

– А что там?

Эдвин Янсен улыбнулся:

– А ты как думаешь? Что может оказаться в этих тюках в такой тяжелый для нашей многострадальной Родины час?

– Оружие? – осторожно предположил Джон.

Марсель с отцом рассмеялись:

– Джон, там действительно оружие. Но не такое, о котором ты думаешь.

Это – листовки. Вот, смотри...

Старший Янсен развязал один из тюков и, выложив находящиеся сверху детские вещи, достал плотную пачку листовок. Вытянув одну, он показал ее Джону:

– Смотри.

Джон прочел напечатанный жирным шрифтом заголовок: «Голландия не покорилась оккупантам. Она сражается». Сердце наполнилось гордостью и одновременно ненавистью.

Отец Марселя пояснил:

– Эти листовки направлены на подъем национального самосознания в нашей стране. И движение Сопротивления, которому мы должны отдать собственные силы, уже формируется. Расклейка этих листовок в Роттердаме – первое ваше задание.

Джон внимательно посмотрел на Эдвина:

– Я уверен, что мы справимся с этим заданием.

На чердак поднялась Моника с большим подносом. Поставила его на стол. На подносе стояли большой кувшин с молоком, сковородка с жареной свиной и луком, а также блюдо с «конвертами», начиненными ветчиной и сыром.

Моника улыбнулась:

– Поскольку завтрак вы почти пропустили, то предлагаю сразу перейти к обеду...

Трое мужчин благодарно посмотрели на Монику и стали накладывать еду в уже расставленные на столе тарелки. Джон положил себе сразу несколько «конвертов» и несколько аппетитных кусков жаренного мяса. Налил в кружку молоко и поднес ее ко рту – вкус молока оказался необыкновенным. Казалось, что война, бомбежки, листовки – все это находится где-то далеко, вне этого замечательного мира, где есть Моника, ее «конверты» и необыкновенное, но вполне осязаемое умиротворение.

Старший Янсен заметил:

– После обеда – отдых, потом поедим в Роттердам и будем расклеивать листовки.

Джон спросил:

– А вы их привезли из Роттердама? Что, повезем обратно?

– Откуда я их привез, – улыбнулся Эдвин, – особого значения не имеет. Но ты, Джон, все заметил правильно – если бы я их привез из Роттердама, то не следовало бы их везти для расклейки обратно. Мы должны распространять эти листовки любым доступным способом – расклеивать, бросать в уцелевшие почтовые ящики, разбрасывать. В данном случае хороши все имеющиеся способы. Главное – чтобы люди знали содержание листовок. И тогда с уверенностью можно сказать, что листовки – это настоящее оружие.

Джон закончил с «конвертами» и приступил к свинине с луком. И заметил:

– Вы уже не первый раз сравниваете листовки с оружием. Эдвин Янсен посмотрел на него уже несколько снисходительно:

– Листовки еще потому являются оружием, что заставляют людей брать в руки винтовки и автоматы. Листовки – это оружие идеологическое, они не только зажигают в людских сердцах ненависть и обостряют любовь к Родине, но и делают эти чувства осмысленными: кого и за что ненавидеть, почему любовь к Родине – святое и величайшее из всех человеческих чувств. Возможно, листовка не поднимет на борьбу всю страну, но если она побудит хотя бы одного голландца к действию, мы будем считать, что поработали не зря.

Джон налил из кувшина молоко в свою кружку и, отхлебнув большой, приятно освежающий глоток, сказал:

– Я последнее время много думал, зачем немцам понадобилось нападать на нашу страну и так варварски бомбить Роттердам? Тем более, что это произошло уже после фактической капитуляции Голландии? Все-таки немецкая нация должна представлять себе, какой город она почти стирает с лица земли?

Эдвин Янсен выпрямился на своей табуретке и помолчал. Потом достал из кармана трубку, повертел ее в руках. Из другого кармана извлек кيسет с табаком и стал сосредоточенно, медленно набивать трубку. Через несколько минут трубка задымила, в помещении повисли ароматные клубы дыма. После очередной затяжки Эдвин вернулся к разговору:

– Немцы действительно обладают великой культурой – Вагнер, Гёте, Шиллер. Но сейчас немецкий народ впал почти в первобытное состояние. И это состояние разбудил в них фюрер. Он пообещал благоденствие каждому немцу за счет других народов. И немцы, увы, не смогли ничего противопоставить в своей душе этому первобытному желанию, животному инстинкту. Сейчас Голландия растерзана, но я верю, что придет время, когда немцам придется держать ответ перед всеми народами Европы.

– Но они сейчас побеждают, – осторожно возразил Джон. – Голландия погибла всего за пять майских дней...

– Голландия не погибла, – Эдвин словно уколол Джона взглядом. – До тех пор, пока мы не сдались, Голландия не погибла. Пока мы боремся, мы живем. И вместе с нами живет наша страна.

Джон слушал отца Марселя с юношеским восторгом.

– Марсель говорил мне, что именно коммунистическая партия организует движение Сопrotивления. А почему другие политики не стали инициаторами этой идеи?

Эдвин Янсен опять сделал глубокую затяжку и выпустил огромное облако терпкого, с приятным ароматом дыма. Новые, приятно дурмящие облака повисли над столом.

– Просто некоторые заняли соглашательскую, приспособленческую позицию. Они продолжают верить, что с оккупантами можно договориться и прекрасно жить. Так сказать, душа в душу. Но как можно договариваться и жить душа в душу с грабителями, которые нагло, с оружием, ворвались в твой дом?

– Никак, – почти неосознанно проговорил Джон.

– Вот именно. Никак. Дело не ограничивается нашими личными предпочтениями. Возможно, другие политические силы и стремятся к сотрудничеству с Германией, к спокойной и благополучной жизни. Однако проблема в том, что немецкие власти не намерены обеспечивать такую жизнь для голландцев. Они хотят мира и процветания только для себя, на голландской земле. Поэтому долг каждого патриота – не допустить, чтобы оккупанты чувствовали себя здесь в безопасности. И пока существует коммунистическая партия, им этого не удастся! Сейчас давайте отдыхать, а вечером, до наступления комендантского часа, нам нужно попасть в город с листовками...

Джон поднялся из-за стола и отправился в свою комнату.

* * *

Ближе к вечеру Эдвин разбудил Джона:

– Поднимайся, нам пора.

Эдвин, Марсель и Джон старательно уложили поверх листовок детские вещи и другое тряпье, туки тщательно завязали. Повод, который им следовало изложить на контрольно-пропускном пункте при входе в Роттердам, выглядел весьма незатейливо: беженцы возвращаются

на родные пепелища в надежде отыскать дорогие сердцу вещи. Немцы смотрели на этих жалких людей с имперским высокомерием...

Трое – мужчина среднего роста и двое юношей – по очереди толкали перед собой тележку. Долгие десять километров тянулись, словно непосильная обязанность. Вот впереди показался контрольно-пропускной пункт. Дежурный солдат со «Шмайсером» небрежно, словно куда-то торопился, изучил выданные немецкой администрацией справки и, с превосходством глядя на несчастных голландцев, пропустил их.

Отъехав от КПП, Эдвин остановил тележку у обочины дороги и достал трубку. Неторопливо набил ее табаком и раскурил. Потом задумчиво произнес:

– Сейчас нам нужно договориться, как действовать. Листовки я предлагаю спрятать в подвале нашего разбитого дома.

Джон внимательно посмотрел на старшего Янсена:

– А их разве не из Роттердама привезли?

Эдвин улыбнулся:

– Нет. Я тебе уже об этом говорил. Иначе зачем нам возить эту тележку туда-сюда. Подпольная типография, где печатают листовки, находится не очень далеко от «Райского места».

– А где?

– Пока я не могу тебе этого сказать. Давайте продолжим обсуждать план наших действий. Повторю, листовки я предлагаю спрятать в подвале. Потом каждый берет свою часть, прячет их под одеждой и направляется расклеивать на своей улице. Если вас остановит патруль, придерживайтесь легенды: вы ищете родственников и собираете уцелевшие вещи.

– А сколько сейчас времени? – спросил Марсель. Эдвин Янсен достал из кармана крупные серебряные часы на цепочке и взглянул на циферблат:

– Половина седьмого вечера. Комендантский час начинается в десять. До этого времени мы должны все сделать и вернуться к месту сбора – наш разрушенный дом.

– А клей? – Джон вопросительно посмотрел на Эдвина.

– Клей уже прямо в баночках приготовлен в подвале. Там же есть и кисточки.

Разрушенный дом семьи Янсен показался уже скоро. Закопченная пожаром и изъеденная осколками бомб кирпичная громадина напоминала корабль, изломанный бурей, выброшенный огромной, безжалостной волной на берег. От уютного, приветливого здания остался черный, мрачный и по цвету и по восприятию остов. Крыша рухнула во время пожара, и в здании не осталось ни одного целого окна. Пустые проемы зияли словно пулевые отверстия в теле великана. Марсель с отцом прошли к потайному входу в подвал – путь сквозь развалины для Джона во второй раз оказался полегче...

* * *

Взяв часть листовок, Сегерс отправился на свою улицу – она находилась неподалеку от разрушенного дома Марсея. Старательно изображая несчастного беженца, тем не менее Джон внимательно следил за окружающей обстановкой. Он то садился отдохнуть, то останавливался и делал вид, что рассматривает развалины домов, то завязывал непослушный шнурок на ботинке. Через несколько минут на улице, на развалинах домов и руинах кафе появились белые пятна. Но, в отличие от белых флагов, они означали не капитуляцию, а продолжение сражения, борьбы за свободу. Джон еще раз тщательно завязал шнурки на ботинках и незаметно осмотрелся. На улице не было ничего подозрительного.

«Интересно, сколько людей прочтут листовки на руинах?» – внезапно появилась короткая мысль. И тут же Джон сформулировал для себя ответ: «Прочтут. Многие начнут ходить по родным пепелищам. И даже один, который прочтет, потом сможет рассказать об увиденных листовках своим знакомым».

И произнес вслух «Главное – не попасться в руки немцев!».

В подвале Джон никого не обнаружил. Но Марсель с отцом появились уже через несколько минут, избавив Джона от неизбежных переживаний.

Марсель выглядел очень взволнованным.

– Джон, как ты думаешь, кого я только что видел?

– Кого? Кстати, вы же должны были действовать на своей улице. А я, когда пришел сюда, вас не увидел. Уже почти начал беспокоиться.

Марсель улыбнулся:

– Мы прошли на соседние улицы. И на одной из них совершенно случайно... Джон ухмыльнулся:

– Почти как со мной? Марсель помотал головой:

– Нет. Здесь – точно случайно. Так вот, совершенно случайно увидели, что по улице идет немецкий патруль. На тот момент у нас уже не было листовок – мы их все расклеили на своей улице. Патруль проверил у нас документы на улице Вестерлаан.

– И что? – произнес Джон.

– Ничего. В составе патруля, помимо немцев, оказался наш общий знакомый – Джуст Виссер. Ты его помнишь?

Джон кивнул:

– Конечно, помню. В школе все о мире с Германией языком трепал!

– А сейчас, – продолжил Марсель, – он сотрудничает с нацистами. На рукаве у него была повязка добровольного помощника немецкой администрации.

– Вот подлец! – воскликнул Джон. – Я же помню, как он в школе не только языком о мире с Германией болтал, но и к директору регулярно бегал ябедничать!

На лице Марселя появилась тонко прорисованная улыбка:

– Руководство школы считало его активистом, таким неравнодушным учеником.

– Честно говоря, я бы хотел поквитаться с этим «активистом»!

Эдвин Янсен посмотрел на Джона внимательно и одновременно испытующе:

– Джон, нам с тобой предстоит один серьезный разговор.

Джон усмехнулся:

– А разве наши предыдущие беседы не были серьезными?

– Предыдущие беседы, Джон, – Эдвин Янсен мягко улыбнулся, – были призваны подготовить тебя к нелегальной работе...

Джон осторожно и деликатно перебил старшего Янсена:

– А разве расклейка листовок – это не нелегальная работа? Эдвин ответил:

– Не вся нелегальная работа, которой нам предстоит заниматься. Но об этом поговорим позже – за ужином у Моники.

Трое беженцев, прихватив из разрушенного дома вещи, которые удалось найти – старинного вида будильник (конечно, который не ходит), неизвестно как уцелевший после пожара альбом с фотографиями, весь в пыли и саже, – и отправились в обратный путь – из Роттердама в «Райское место»...

Глава 3

Майское солнце пронзало дом Моники лучами, словно копьями, легко пробиваясь сквозь стекла и тонкие занавески. Джон, задремавший на первом этаже, сначала попытался уклониться от одного, особенно яркого луча. Но вскоре его накрыла целая волна солнечного света, сплетающаяся в причудливый золотой узор на его лице.

Джон открыл глаза и посмотрел на большие напольные часы – половина седьмого утра. «Встреча у нас будет в десять часов, значит, можно еще поспать», – Джон перевернулся на другой бок и накрылся пуховым одеялом с головой. Становилось немного жарко, но теперь острые стрелы берущего свои права майского солнца уже не могли к нему пробиться...

В десять утра Джон, умытый и позавтракавший, сидел в комнате на первом этаже. Через минуту в помещение вошел Эдвин Янсен и вместе с ним незнакомый человек. Он сел за стол и поздоровался с Джоном:

– Привет. Меня зовут Чарльз Остин.

– А меня Джон, – Сегерс отметил, что собеседник хорошо говорит на нидерландском, хоть и с небольшим акцентом.

Эдвин Янсен тоже сидел за столом, но пока молчал, не вступая в разговор.

Чарльз сказал:

– Приятно познакомиться с тобой, Джон. Наши друзья, – он кивнул в сторону Эдвина, – очень хорошо отзываются о тебе. И я пришел на встречу с тобой с небольшим предложением.

Джон внимательно слушал Чарльза.

– Так вот, я хочу предложить тебе работу в агентурно-боевой группе британского управления специальных операций...

Джон улыбнулся:

– Чарльз, а почему Вы говорите на нидерландском? Я хорошо владею английским языком – мои родители происходят из британского аристократического рода. В Голландию мы переехали по делам бизнеса за несколько лет до войны.

Чарльз внимательно посмотрел на парня:

– А где они сейчас?

На глазах у Джона появились слезы:

– Мой отец успешно занимался международной торговлей и перед началом войны они уехали из Голландии в Египет по коммерческим делам. С тех пор от них нет никаких известий. В Египет они отправились на пароход, и я боюсь...

Чарльз, видя состояние юноши, перебил его:

– Не нужно бояться, Джон. Не переживай раньше времени. Мы попробуем узнать что-нибудь о твоих родителях. Но давай вернемся к нашему разговору.

– Давайте, – согласился Джон.

– Как я уже сказал, тебе предлагается стать членом агентурно-боевой группы британского управления специальных операций, – Чарльз по-прежнему говорил на нидерландском. Джон не стал его поправлять и внимательно слушал.

– ...Еще нас называют «министерством нечестной войны», – Чарльз улыбнулся, – но это просто глупо, потому что война не может быть честной по своей природе. Если обе стороны всеми способами вооруженной борьбы стремятся к победе, то в случае коллизии что ты выберешь – победу или честность?

– Конечно, победу, – почти неосознанно ответил Джон, – но и не хотелось бы при этом выглядеть подлецом!!!

– Желание у тебя правильное, война против нацистской Германии является весьма и весьма благородным делом, – Чарльз опять внимательно посмотрел на Джона. – Поэтому в нашем управлении и решили предложить тебе стать негласным сотрудником.

– Каким? – Джон с удивлением посмотрел на Чарльза.

– Негласным. Ты уже знаком с нелегальной работой?

Джон перевел взгляд на Эдвина Янсена. Тот едва заметно улыбнулся. Джон ответил:

– Да, знаком. Немного...

– Это хорошо. Наши негласные сотрудники привлекаются к партизанской войне. Германия сейчас очень сильна. Победить ее армию очень сложно. Но этот час, я уверен, настанет. И сейчас мы можем сделать только одно – своими действиями пытаться приблизить его...

– Я согласен, – Джон не раздумывал ни минуты. – Я полностью с Вами согласен. И готов сделать все, чтобы этот час наступил!

Чарльз опять смотрел на Джона очень внимательно:

– А теперь давай поговорим о том, чем тебе предстоит заниматься. Неожиданно Джон спросил Чарльза:

– А где работаете Вы?

Чарльз усмехнулся:

– Я сотрудник Secret Intelligence Service. Именно наша служба и курирует управление специальных операций. Как видишь, Джон, я говорю с тобой, практически ничего не скрывая. Так вот вернемся к тому, чем тебе придется заниматься. В первую очередь это физическое уничтожение нацистов и их пособников...

Джон опять спросил почти неосознанно:

– Физическое? Я должен буду убивать?

Чарльз и Эдвин обменялись короткими взглядами. После этого Чарльз сказал:

– Что ж, с окончательным решением, Джон, я тебя не тороплю. Эдвин сказал, что на тебя можно положиться в серьезных делах, поэтому давай встретимся через несколько дней...

* * *

Джон размышлял над предложением Чарльза. Он хорошо помнил, как застрелил немецкого десантника во время «Голландской операции» вермахта. Он никогда и никому еще не рассказывал об охвативших его ощущениях. Убийство – даже врага – оказалось делом ужасным и малоприятным. В отличие от многих других, – и Джон боялся признаться в этом даже самому себе, – самым точным названием ощущений, которые охватили Джона в тот момент, был самый обычный страх. Выросший в аристократической семье, получивший изысканное воспитание, юноша просто испугался. Но испугался не врага, нет. Джон с ужасом признавался себе, что в тот момент он испугался не немцев, чьи парашюты, словно белые цветы, распустились в чистом майском небе Голландии. Он испугался самого себя, а точнее – того, каким он стал после того боя. Этот страх, страх перед самим собой, а Джон просто боялся себя самого, терзал его, выворачивал душу и все нутро несколько дней. Он никому не рассказывал, что в тот момент бросил собственную винтовку и стал себя ненавидеть – за убийство...

Да, убийство! Пусть немца, пусть врага! Но он, человек, лишил жизни другого человека, и этот неоспоримый всей душой и каждой клеточкой тела осязаемый факт давил на все существо Джона, заполнял его мысли. Именно поэтому он бросил винтовку в придорожную канаву. Он ненавидел и войну, и эту винтовку, превратившуюся из символа мужественности в обыкновенное орудие убийства. И самое главное – Джон ненавидел самого себя, совершившего то, что еще недавно казалось ему невозможным, невообразимым, то, что находилось от него где-то на другой планете, а планета витала не вокруг Солнца, а вокруг звезды в далекой, даже неосязаемой галактике...

Именно поэтому он с таким отвращением и злостью бросил винтовку в канаву и туда же отправил оставшиеся патроны. И потом в подвале разрушенного немецкими бомбами дома он просто соврал Марселю про винтовку...

Джон лежал в одежде на застеленной кровати. Снял только ботинки. Он уже несколько раз поймал удивленный взгляд Моники, которая пыталась позвать его к столу. Но есть не хотелось. Сегерс чувствовал, ощущал где-то в глубине сердца, что в эти несколько майских дней он должен принять одно из самых главных решений в своей жизни. И это решение определит его судьбу на многие годы вперед...

Джон не мог объяснить, почему он так трепетно относился в душе к принятию этого решения, но он отчетливо чувствовал, что должен сделать выбор. И выбор должен оказаться правильным.

Дверь тихо открылась. В комнату вошла Моника с подносом. На большом серебряном поле подноса стояла тарелка с «конвертами», начиненными ветчиной, сыром и свежей зеленью и большой прозрачный кувшин парного молока. Моника поставила поднос на стол и молча исчезла...

На время обеда, который оказался совсем не по расписанию, Джон отвлекся от своих мыслей. «Конверты» оказались почти с волшебными свойствами: они отвлекали от тяжелых мыслей. Возможно, отвлекали именно благодаря своему вкусу...

Джон ощутил, что мысли становились легче и понятней. оев, он сам отнес поднос на кухню. Поблагодарив Монику, получив в ответ лучистый взгляд, он снова направился в комнату.

Джон лег на кровать и достал с полочки Библию. Сегерс считал себя верующим христианином и до войны довольно часто посещал церковь. Но сейчас древний собор в центре Роттердама превратился в руины...

Джон открыл Священную книгу и внимательно прочитал бесценные строки: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»...

«Я же борюсь со Злом, – начал опять размышлять Джон. – А немцы, даже написав на пряжках солдатских ремней «С нами Бог», все равно олицетворяют вселенское Зло, их расовая теория античеловечна в принципе! И если я борюсь со Злом с оружием в руках, то совершенно точно выступаю на стороне Добра. Тем более, что это Зло, идущее от людей, которые тоже называют себя христианами и призывают Бога в союзники, невозможно победить человеку безоружному!».

Джон продолжил размышления: «Я бросил винтовку, тем самым отказался от победы над Злом и позволил Злу восторжествовать и победить Добро. И ясно, что без убийства врага, без убийства тех, кто олицетворяет Зло, сейчас невозможно достигнуть победы Добра».

Джон улыбнулся внезапно пришедшей мысли: «В этой борьбе со Злом едины и христиане, и мусульмане...».

В следующую минуту Джон уже принял решение. Оно оказалось простым и ясным. И впервые за несколько дней юноша спокойно уснул. Ему снилась Моника с подносом сладких «конвертов»...

* * *

Чарльз снова сидел за столом в комнате на первом этаже. Эдвина Янсена не было – он отправился по делам в другую деревню. Чарльз внимательно выслушал рассказ Джона о его моральных терзаниях и похвалил его за то, что не стал скрывать своих чувств:

– Искренним быть совсем не просто. Некоторые думают, что это очень легко, в крайнем случае можно притвориться. Но на самом деле это очень непросто. Человеку, который искрен-

нен со своими товарищами, единомышленниками, можно верить. С ним можно делать серьезные дела. Посмотри сюда.

Чарльз поднял с пола небольшую холщовую сумку, которая, судя по виду, много чего повидала на своем веку – почти вся поверхность сумки оказалась испещрена разнообразной формы и цвета пятнами. Чарльз вытащил из сумки изящный серебряный портсигар. На крышке красовалась надпись на немецком языке «Настоящему мужчине». Чарльз прочитал надпись Джону, и юноша широко улыбнулся:

– Вы это мне хотите подарить?

Теперь улыбка осветила строгое лицо Чарльза:

– Нет, Джон! Этот портсигар предназначен совсем для других целей. Смотри и слушай внимательно.

Чарльз с большой осторожностью открыл крышку портсигара – внутри вместо сигарет оказалась тонкая пластинка взрывчатки.

– В крышку вмонтирован взрыватель. Если нажать кнопку, – Чарльз показал точку с внутренней стороны крышки портсигара, – то при следующем открытии крышки произойдет взрыв. Достаточно мощный, чтобы убить человека.

– Это должен сделать я? – Джон посмотрел на Чарльза серьезным взглядом.

– Ты должен подложить этот портсигар штурмбаннфюреру СС Клаусу Мейеру. Он – заместитель начальника отделения гестапо. И любит заходить пить кофе в кафе в центре города.

Джон задумчиво протянул:

– Странно... Я думал, что в центре Роттердама после бомбардировки не осталось ни одного целого здания, тем более кафе...

Остин помедлил и ответил:

– Да, Роттердам пострадал очень сильно – бомбежка и последовавший за ней небывалый пожар уничтожили центральную часть города и исторические здания. Но уже через несколько дней немцы открыли кафе «Гретхен». Туда заходят офицеры вермахта и крупные чины СС. Мейер очень любит пить там кофе.

– Но как я туда попаду? Я же сразу буду выделяться на фоне таких посетителей?

– Подожди. Может быть, заходить и не придется. Послушай, что я придумал... Закончив разговор, Чарльз Остин попрощался и ушел, растворившись в вечерних сумерках...

* * *

Аромат кофе будоражил глубины души и даже заставлял сердце стучать быстрее. Довоенный запах довоенного Роттердама. Штурмбаннфюрер СС Клаус Мейер сидел в кафе «Гретхен» и наслаждался. Наслаждался жизнью, которая удалась по всем пунктам. Он наслаждался быстрой и легкой победой рейха над маленькой Голландией. А пару дней назад – 22 июня 1940 года – капитулировала Франция. Клаус подумал, что Германия идет по миру железными гусеницами грозно урчащих танковых колонн. «Вычистим панцер-метелками всякую шваль! Это будет наш мир, мой мир!» – самодовольно размышлял немец. Он сделал небольшой глоток кофе и поставил чашку на блюдце. За окном кафе улица еще не приобрела своего довоенного оживления, но уже и не была пустынной. Клаус заметил худощавого юношу с костылем и забинтованной ступней. Одной рукой парень опирался на костыль, скособочив все тело, которое уже напоминало вопросительный знак, а другой – совал проходим какой-то предмет. Когда на него попадало солнце, он ослепительно блестел, почти сверкал. «Интересно, что там такое?» – подумал Клаус. Он быстро допил кофе, рассчитался и, взяв портфель, направился к выходу из кафе.

Худощавый, темноволосый парень со слипшимися волосами все еще предлагал немногочисленным проходим свою вещь. Мейер, стоя на ступеньках кафе, властным жестом подозвал

юношу к себе. Парень доковылял до затынутого в черную форму эсэсовца и несмело протянул ему сверкнувший на солнце прямоугольник. Мейер взял его в руки – это оказался серебряный портсигар. «Неплохая вещь, – подумал Клаус, – можно будет подарить мужу сестры. Он сейчас только вернулся в Берлин после победы над жалкими французиками – они даже свою столицу сдали без боя и объявили «открытым городом». Думаю, Курту это понравится!». Мейер повертел портсигар в руках, прочел изящную надпись на крышке – «Настоящему мужчине». «Точно, Курту очень понравится!».

Парень, видя, что немец придирчиво вертит портсигар в руках, быстро заговорил на нидерландском, но Клаус прекрасно его понимал:

– Это очень дорогая вещь, господин офицер! У меня совсем нет денег, и я решил продать этот портсигар!

Нидерландский язык схож с немецким, и Клаус внимательно слушал калеку, не разбирая все его слова полностью, но схватывая смысл сказанного. Мейер видел, что у парня от волнения дрожали руки, а на лице появилось заискивающее выражение и просящая улыбка:

– Возьмите, пожалуйста, господин офицер! Я много не прошу! Чтобы я смог купить еды!

Клаус хмыкнул. И произнес вслух внезапно пришедшую мысль:

– Конечно, возьму! Только сначала ты его открой!

На лице парня отразилось сильнейшее волнение – он переживал, наверное, что немецкий офицер передумает покупать портсигар. Дрожащими руками он открыл крышку и показал Мейеру содержимое портсигара. Тот кивнул:

– Гут. Давай.

Юноша защелкнул портсигар. Неуловимым, незаметным движением, перед тем, как захлопнуть крышку, он нажал крошечную, почти незаметную кнопку.

Мейер взял портсигар в руки, повертел и небрежно бросил в свой портфель.

– Всего десять марок, господин офицер! – теперь юноша довольно улыбался. Он ждал, когда немец с ним расплатится. Но Мейер, усмехнувшись, оттолкнул парня. Тот, не ожидая подвоха, потерял равновесие и, пытаясь спасти забинтованную ногу, неуклюже и как-то обиженно плюхнулся на камни мостовой. Костыль, жалобно постукивая, отлетел в сторону.

На лице у юноши появилась жалобная гримаса, из глаз потекли слезы:

– За что, господин офицер?! Что я вам сделал?!!!

Мейер ощутил растущую волну раздражения: «Этот клоун еще пытается со мной спорить?». И резко, носком черного, до блеска начищенного сапога больно пнул калеку:

– Пошел вон, немытая свинья! Еще раз здесь увижу – пристрелю!

Парень заплакал. Он тихонько подвывал, но Мейер уже шел к своей машине. Потом, когда «Мерседес» ехал к его квартире, Мейер, сидя за рулем, старательно объезжал кучи мусора и щебня от разбитых зданий, думал: «Так с ними и нужно поступать. Это – не люди, а скоты».

Мейер припарковал машину и поднялся в квартиру. Переоделся в домашний халат, достал из шкафчика на кухне бутылку шнапса и, взяв из портфеля портсигар, принялся пристально изучать добычу. Тяжелое серебро приятно оттягивало ладонь, и Клаус нажал кнопку, которая открывает крышку...

Окна в квартире вылетели так, словно дом пронзила тяжелая авиабомба. Вслед за стеклами в проем окна вылетел изуродованный труп в обгоревших тряпках, которые секунду назад были приятным домашним халатом. Труп штурмбаннфюрера Клауса Мейера шлепнулся на тротуар возле кучи щебня из разбитого соседнего дома...

* * *

– Прощу к столу! – Моника радостно смотрела на мужчин, которые, услышав приглашение, не стали ждать дальнейших уговоров. Запеченная телятина, великолепный сыр, нежное масло, густая, почти напоминающая масло сметана, блюдо с «конвертами», которые содержали в себе целую гамму начинок, – все это заполняло белоснежную скатерть. Моника поставила на стол большую бутылку домашнего вина. Остин с улыбкой смотрел, как Эдвин Янсен сосредоточенно разливал по стаканам темно-вишневую жидкость. Когда у всех оказались полные стаканы, Эдвин встал:

– Друзья, предлагаю выпить за наши первые успехи! Немцы думают, что они завоевали Нидерланды, завоевали Францию! Да, завоевали, оккупировали! Но не покорили! Каждый честный гражданин поддерживает движение Сопротивления!

Они выпили по несколько глотков вкуснейшего домашнего вина. Джон отметил про себя, что вино очень хорошее. Моника весьма старалась. И, вспомнив Джуста, сказал:

– Но, видимо, не все голландцы – честные. Джуст, например...

Марсель, накладывая на тарелку запеченную телятину, отметил:

– Очень вкусное вино! А до Джуста мы тоже доберемся!

Чарльз сосредоточенно жевал «конверт» с сыром и зеленью и внимательно слушал, о чем говорят молодые люди. Потом аккуратно вставил собственную реплику:

– Борьба с оккупантами подразумевает и борьбу с их пособниками. Это не менее важное дело. Кстати, предлагаю выпить за успешное выполнение Джоном Сегерсом первого задания. У него все получилось прекрасно! Наверняка гестапо подумало, что мину подложили Мейеру прямо в квартиру. Никто и не заподозрил, по крайней мере пока, что к этому причастен плачущий юноша-калека!

Старший Янсен подлил в стаканы вина, все сосредоточенно выпили.

Чарльз отрезал небольшой кусочек «конверта» и аккуратно положил его в рот. Сосредоточенно прожевав, он сказал:

– Сейчас мы должны осуществить довольно громкую акцию. В Роттердам назначен бургомистром Ганс Майн. Человек крайне жестокий, но пытается казаться для жителей Роттердама добрым и приветливым!

– Странное поведение для немца, – фыркнул Джон. – Обычно они ведут себя по-другому, даже не скрывая, а, наоборот, старательно демонстрируя, что прятать подобное поведение они вовсе не намерены.

Чарльз усмехнулся:

– Но этот ведет себя вот так! Видимо, гитлеровцы хотят показать миру, что они – люди цивилизованные. Хотя я совершенно не представляю, как можно спрятать волчьи повадки и клыки под овечьей шкурой.

Марсель добавил:

– Любой здравомыслящий европеец никогда не поверит в овечью шкуру гитлеровцев! Я сознательно не говорю – немцев! Именно гитлеровцев! Поверив Гитлеру и его обещаниям, что весь остальной мир будет кормить Германию, эти немцы стали гитлеровцами, утратив в себе все то хорошее, что когда-то было в немцах. И осталось в тех немцах, которые сейчас сидят не в Берлине, а в тесных, вонючих бараках концентрационных лагерей!

– Но большинство, Марсель, – заметил старший Янсен, – все-таки поддерживают фюрера и его бредовые идеи о мировом господстве.

– Но пока у него все получается, – сказал Чарльз, – вермахт на танках катится по Европе, Покорены не только Нидерланды, но и Польша, Франция, Дания, Норвегия... И вермахт будет

катиться до тех пор, пока кто-то его не остановит! «Министерство нечестной войны», – Чарльз улыбнулся, – в этом случае ведет вполне честную, справедливую войну!

Джон Сегерс внимательно следил за разговором, впитывая душой каждое слово.

Моника убрала со стола, и Эдвин Янсен разложил на скатерти карту Роттердама.

– Здесь Ганс Майн регулярно ходит, контролируя расчистку завалов в Роттердаме, – палец старшего Янсена с аккуратно подстриженным ногтем уткнулся в короткую линию на карте – небольшую улицу разрушенного города.

– И что мы можем сделать? – Джон вопросительно посмотрел на старшего Янсена.

– Мы можем организовать засаду прямо в развалинах, – четко проговорил Чарльз. – Развалины, кстати, помогут нам уйти от возможного преследования.

– А стрелять из чего будем? – спросил Марсель. – Из винтовки?

Чарльз задумчиво обвел всех взглядом.

– Винтовка в этом случае подходит мало. Я думаю, что ликвидацию следует готовить из пистолета – «Вальтера» или «Парабеллума». Но стрелять нужно максимально точно, чтобы потом без проблем уйти. Времени задерживаться в развалинах у нас точно не будет. Нужно уложить Майна быстро – максимум с двух выстрелов, иначе немцы быстро оцепят район, откуда велась стрельба, и вероятность попасть к ним в руки возрастет многократно.

Чарльз в деталях изложил план предстоящей операции. Пока участники обсуждали все возможные варианты развития событий, на домик Моника в «Райском месте» опустилось густое покрывало ночи...

* * *

Бургомистр Роттердама распекал подчиненных за нерадивое исполнение служебных обязанностей. Процедура проходила прямо на улице:

– Почему до сих пор не очищена проезжая часть?! – орал Майн на своего помощника. – Я дал вам рабочих, к расчистке привлекли даже голландских военнопленных, а мое поручение до сих пор не выполнено! Почему?! Как голландцы будут на нас смотреть, если мы – немцы – не можем навести порядок?

Джон занял удобную позицию на первом этаже разрушенного дома и внимательно наблюдал за перемещениями Майна. На коленях у Джона лежал «Вальтер» с полной обоймой, один патрон уже находился в патроннике. Сначала Джон хотел выбрать для атаки на немецкого чиновника второй этаж, но передумал. Со второго этажа и уйти сложнее, и нелегко сделать точный выстрел. Со слов Чарльза Джон знал, что прицелиться со второго этажа будет несколько сложнее, соответственно, снижалась вероятность поражения цели с первых двух выстрелов. А попасть в цель нужно в течение двух-трех секунд. Два, максимум – три выстрела! Путь отхода он подготовил заранее – узкий лаз сквозь обрушившиеся внутренние стены выводил к входу в подвал, где располагался люк водопроводного коллектора. По этой узкой бетонной трубе Джон планировал перебраться на другую улицу и уйти от неминуемой погони...

Бургомистр медленно шел прямо посередине улицы. Джон видел, как он, закончив распекать очередного чиновника, остановился и начал осматриваться по сторонам. «Неужели Майн что-то заподозрил?» – у Джона мелькнула резкая, тревожная мысль. Он постарался успокоиться.

Но бургомистр, похоже, ни о чем не подозревал. Резким, уверенно-начальственным жестом он снова позвал к себе помощника и увлеченно принялся на него орать. «Видимо, помощник у него для этой цели и приготовлен», – весело подумал Джон. Аккуратно, не торопясь, Джон вложил «Вальтер» в ладонь правой руки и плотно обхватил рукоятку – она сидела словно влитая. Поддерживая левой рукой правую, он прицелился: совместил мушку и прицельную планку – они отчетливо были видны на фоне светлого костюма бургомистра.

Быстро, почти неуловимо, сливаясь в один, шелкнули два выстрела. Оба попали в цель. Бургомистр вздрогнул, потом попытался сделать шаг и неуклюже завалился на мостовую. Резкие трели полицейских свистков разрезали пропыленную улицу и прорвались внутрь безмолвных развалин. Джон, словно убегая от этих режущих, неприятных звуков, юркнул в лаз и через несколько мгновений, которые тянулись, словно загустевший зефир, оказался в подвале. Еще несколько шагов – и перед ним люк водопроводного коллектора. Джон потянул двумя руками крышку. Железная пластина не шевельнулась. «Дьявол», – выругался Джон про себя. В подвал начали проникать трели полицейских свистков. Раздался собачий лай. Джон еще раз взялся за пазы крышки коллектора и потянул изо всех сил – крышка поддалась...

Через несколько секунд он уже брел по колено в воде, направляясь к выходу на другую улицу.

Глава 4

Два офицера СС стояли навтыяжку перед начальником отделения тайной политической полиции третьего рейха в Роттердаме. Штандартенфюрер Вернер Шульц распекал своих подчиненных. Эсэсовцы перед начальником выглядели словно провинившиеся в неполюженном месте котятa. Смотрели на штандартенфюрера преданно, демонстрируя полную готовность исправить неприятную для сторон ситуацию. И не повторять ее в дальнейшем.

– Мы завоевали Нидерланды за пять дней, – отчетливо выговаривая слова, Шульц одновременно нервно прохаживался по кабинету. Офицеры внимали начальнику. – Всего пять дней. И не успели мы справиться с этой карликовой страной, как столкнулись с покушениями на моего заместителя и бургомистра! Что вы можете мне ответить, господа?!

Виновато жалобные взгляды эсэсовцев не превратились в нордические. Шульц продолжил:

– У гестапо нет даже приблизительных данных о том, кто это мог совершить! Приказываю немедленно усилить работу по этим делам. Необходимо привлечь к расследованию наших помощников из числа местного населения.

Худошавый оберштурмфюрер преданно кивнул:

– У меня есть такие помощники, один из них – Джуст Виссер, он учился в специальной школе для одаренных детей.

На лице Шульца мелькнула ироническая улыбка:

– Надеюсь, что его одаренность поможет нам поймать преступников. Полагаю, что эти два покушения – дело рук коммунистов. Их партия запрещена, но, по моей информации, они перешли на нелегальное положение. Наверняка, эти покушения – их работа. Можете идти, господа. И если через два дня не будет результатов, я отдам вас под суд!

Эсэсовцы вышли из кабинета начальника гестапо. Через пару минут оберштурмфюрер Шмидт оказался в своем кабинете и неторопливо устроился за рабочим столом. Шмидт закурил и, выпуская одно за другим неуловимо быстро расплывающиеся по комнате колечки дыма, задумался. Взял ключи, подошел к стоящему в углу кабинета сейфу. Громко щелкнул замок, освобождая дверцу. Из сейфа Шмидт вытащил тонкую папку, на которой было написано от руки – ««Миролубивый» Джуст». Шмидт снова вернулся за стол и взялся за телефонную трубку. Отдал несколько коротких распоряжений. Потом разложил на столе большую, подробную карту Роттердама. «Интересно, где же могут находиться явочные квартиры этих мерзавцев?» – подумал Шмидт. «Джуст вполне может в этом помочь., а может и не помочь. Важно его грамотно разговорить...».

В этот момент на пороге кабинета появился светловолосый юноша в сопровождении автоматчика. На лице Джуста застыл испуг. Шмидт поднялся из-за стола и сделал несколько шагов навстречу:

– Здравствуй, Джуст! Не пугайся. Доставить тебя под охраной заставила сложная обстановка в городе. Не бойся. Тебя мы рассматриваем исключительно как друга...

* * *

После завтрака в «Райском месте» Сегерс отправился в Роттердам. Эдвин Янсен подробно проинструктировал его перед заданием. Джону предстояло встретиться на явочной квартире с представителем другой подпольной группы Сопротивления и устно передать ему информацию о совместных действиях. Джон старательно заучил несколько рукописных строчек, которые Эдвин Янсен быстрым, торопливым почерком набросал на тетрадном листочке. Джон в течение получаса старательно учил послание наизусть. Потом Эдвин скомкал тетрадь

ный лист и точным движением отправил его в печку. Тонкая бумага, едва прикоснувшись к углям, с фырканьем вспыхнула и в доли секунды превратилась в черный, быстро исчезающий в печке пепел...

Явочная квартира располагалась в северной части Роттердама, которая почти не пострадала от бомбежки. От Чарльза Джон узнал, что немецкие «Хейнкели» сбросили на город почти сто тонн бомб, превратили его любимый центр города в груды развалин, по которым раскаленной огненной метлой прошелся жесточайший пожар. Площадь в несколько квадратных километров оказалась полностью разрушена. Исчезли многие дома, в развалинах лежали старинные церкви и знаменитые городские ворота – все то, чем Роттердам и его жители так гордились до войны. Когда Джон, бросив винтовку и переживая по поводу убитого немецкого парашютиста и своих собственных ощущений, сидел в подвале собственного разбитого и сгоревшего дома, он еще не знал всех этих цифр статистики, но почти их чувствовал.

Сухие цифры – количество тонн сброшенных бомб – для него имели вполне конкретное, осязаемое представление: разбитые дома, разрушенные церкви, кучи щебня на бывших благополучных улицах Роттердама. Чарльз еще раз подтвердил, что в бомбардировке Роттердама не было никакого военного смысла – Нидерланды уже фактически капитулировали. Но немцы превратили город в тренировочный полигон для люфтваффе. И тренировку немецкие летчики отработали на славу...

Поднявшись на нужный этаж по пыльной лестнице, Джон нажал кнопку звонка нужной квартиры. Поднимаясь по ступенькам, он оставлял на них четкие отпечатки собственных ботинок. «С точки зрения конспирации, – подумал Сегерс, – это почти нарушение. Нужно будет в следующий раз что-нибудь придумать. Это же следы!». Джон еще раз позвонил. Дверь не открывалась. И Сегерс снова надавил кнопку звонка. Дребезжащий голос звонка слышался хорошо, и Сегерс аккуратно нажал рукой на деревянную поверхность двери. Она мягко подавалась вперед и неожиданно открылась. Джон шагнул внутрь квартиры. В душе у юноши появилось ощущение, напоминающее что-то перед прыжком в холодный бассейн: неприятно колющая смесь страха и тревоги. Но Джон четко помнил все инструкции старшего Янсена. Тот сказал, что дверь может быть и не заперта, так что эта небольшая деталь не могла служить основанием для отмены встречи на конспиративной явке. Но ощущение опасности у Сегерса не ослабевало, а наоборот, усиливалось.

Джон услышал тихий шорох за спиной. Инстинктивно он хотел обернуться, но его почти опередил резкий окрик: «Хенде хох!».

Джон медленно, ругая себя, поднял руки...

* * *

Концентрационный лагерь находился на окраине города прямо под открытым небом. Не очень большой кусок территории, охваченный по периметру колючими шипами проволоки и стиснутый сторожевыми вышками с пулеметчиками, постепенно наполнялся людьми. Испуганные гражданские лица, в основном женщины. Среди находящихся в лагере людей Джон заметил и несколько детей. С отрешенными, словно выключенными от воздействия мыслей и эмоций лицами, они сидели прямо на земле или на оставшихся островках травы, которая из зеленой стала почти серой. В воздухе томилось июльское тепло 1940 года. Кто-то постелил на землю легкие куртки.

В дальнем конце лагеря Джон заметил большую группу людей – около двух десятков худощавых мужчин и несколько женщин. Они стояли возле огромной ямы. А прямо перед ними лежал на траве, прижавшись к прикладу, пулеметчик и тщательно прицеливался, наводя на людей ствол пулемета МГ-34. Джон, сердясь на себя за чрезмерную непонятливость, вдруг четко осознал, что сейчас произойдет. Он ожидал, что женщины начнут плакать, но люди у ямы

молчали, прямо глядя на стоящих в отдалении эсэсовцев. Один из них гортанно прокричал: «Огонь!».

И в следующую секунду пулеметчик нажал на спуск. Длинная очередь смертельной плеткой прошла по стоящим у ямы людям. Часть из них, согнувшись от удара пуль, упала в яму, но другая часть продолжала стоять, зажимая полученные раны. Пулеметчик снова нажал на спуск...

После расстрела оставшихся в лагере людей построили в две шеренги и перед ними появился высокий, худощавый оберштурмфюрер. Недалеко от него стояла группа эсэсовцев, в ней Джон с удивлением заметил светловолосого юношу: «Джуст? Не может быть... Но это точно он! Сволочь!!!».

Джуст – а это оказался именно он – подошел к строю задержанных и с ухмылкой смотрел на них. Чтобы не встретиться с Виссером взглядом, Джон за долю секунды до того, как взгляд Джуста скользнет по его лицу, опустил глаза и прикрыл веки, словно от усталости. Джуст его не узнал.

А, возможно, просто сделал вид, что не узнал. У Джона на лице лежала печать дневной усталости, сказывалось отсутствие воды и пищи. Вероятно, все-таки, Джуст его не узнал...

Оберштурмфюрер заговорил:

– Вы все задержаны по подозрению в диверсионных действиях против великой Германии. Сейчас вас всех направят на сортировку. Германская администрация и гестапо великодушны: если вас задержали случайно, то отпустят. Если окажется, что вы причастны к диверсионным действиям, то вас ждет расстрел. Евреи, – оберштурмфюрер сделал нажим на первом слове, – будут расстреляны без всякой сортировки. Вы должны запомнить, что сопротивление германским властям влечет за собой только одно наказание – смерть.

Оберштурмфюрер махнул рукой в сторону ямы:

– Эти двадцать коммунистов и коммунисток уже заплатились за неуважение к великой Германии. Остальных коммунистов будет ждать та же участь.

Джона отвели в сторону и с ним начал беседу худой эсэсовец:

– Как твое имя?

– Хэнк.

– Фамилия?

– Де Боер.

К столу, за которым эсэсовец записывал данные Джона в специально отпечатанную в типографии форму, подошел недавно выступавший перед пленниками оберштурмфюрер и острым взглядом почти расцарапал лицо Джона. «Впился, словно когтями», – мелькнула мысль у Джона.

Немец вытянул руку с указательным пальцем и словно вонзил его в грудь Сегерсу:

– Как, говоришь, твоя фамилия – Боер?

– Де Боер, господин офицер, – Джон старался говорить как можно более убедительно. – У меня были документы, но они все сгорели при бомбежке Роттердама, а новые я еще не успел получить в немецкой администрации.

Оберштурмфюрер опять почти ощутимо оцарапал лицо Джона колючим, неприязненным взглядом:

– Почему?

– Я несколько раз пытался отыскать свои документы в развалинах, но там ничего не оказалось. Все документы сгорели во время пожара.

– А что ты делал в доме, в котором тебя задержали? – спросил эсэсовец. – Там на ступеньках лестницы только твои следы. И наши.

Джон едва не выругался вслух: «Все-таки нужно было это предусмотреть... И что-нибудь придумать». Он жалобно посмотрел на оберштурмфюрера:

– Я ошибся домом, господин офицер, я искал свою знакомую девушку, с которой учился в школе...

– Для одаренных детей? – теперь оберштурмфюрер откровенно улыбался.

– Нет. В обычной, но я просто ошибся домом!

– Как же ты забыл адрес своей девушки? – спросил оберштурмфюрер Шмидт.

– Я не забывал, адрес был записан и лежал в моей шкатулке дома, – Джон опять жалобно заглянул Шмидту в глаза, – а дом, как я уже рассказал, сгорел...

Шмидт снова сменил улыбку на жесткий взгляд и уперся глазами, словно двумя железными стрелами, в Джона:

– Не ври, мы все знаем. Тебя зовут на самом деле не де Боер, а Сегерс. Имя – Джон. Если ты врешь, значит, тебе есть что скрывать. Все. Ты будешь расстрелян.

В голове у Джона пронеслись, будто вагонетки маленького поезда, обрывки мыслей. «Джуст меня выдал. Он, больше некому», – обреченно думал Сегерс.

Оберштурмфюрер не отводил от него взгляда, и Джон решил не сдаваться:

– Это какая-то ошибка, господин офицер, меня зовут Хэнк де Боер, может быть, меня просто приняли за другого человека.

– Нет, Джон, мы не обознались, – возразил оберштурмфюрер, – но если тебе есть что скрывать, то расскажи свои тайны нам и тогда, возможно, мы подумаем о сохранении твоей жизни.

Джон продолжал разыгрывать собственную партию и жалобно заканючил:

– Мне нечего скрывать, господин офицер. Меня действительно принимают не за того, кого вы назвали. Я ни в чем не виноват.

Шмидт махнул рукой:

– Тогда пошел! Вон в ту группу, которая рядом с ямой...

Джон направился к группе людей, которые сидели прямо на земле недалеко от ямы с телами расстрелянных. Подлый, липкий, приставучий ужас медленно заползал под одежду. Джон не хотел верить в то, что скоро его, совсем юного человека, просто не станет на белом свете...

Он вспомнил светлые лица Эдвина Янсена, Марсея, ладную и возбуждающую фигуру Моники, строгое лицо Чарльза Остина. Джон ощутил в глубине души, что он снова находится на распутье. Он снова принимал решение – на холодной, остывшей после дневного солнца земле концентрационного лагеря. «Нет, – думал Джон, – лучше умереть, чем стать в их глазах предателем... И не только в их глазах, а и в глазах собственного народа».

* * *

Эдвин и Чарльз сидели за столом в доме у Моники и молчали. Джон не вернулся в условленное время. Это означало только один исход – его задержало гестапо. В Роттердаме уже несколько дней шли масштабные облавы и аресты. Эдвин Янсен рассказал Чарльзу, что арестованных свозят в концлагерь в пригороде и выбраться оттуда очень сложно – голая территория, огороженная колючей проволокой и сторожевыми вышками.

– Возможно, что его уже приговорили к расстрелу, – задумчиво произнес Чарльз, – но, на мой взгляд, мы тоже можем что-нибудь придумать.

– Что? – Эдвин внимательно посмотрел на представителя Secret Intelligence Service. – Какой здесь может быть вариант?

– Вот, – Чарльз развернул на столе небольшой листок. – Это данные о том, когда в лагерь приезжает грузовик для вывоза мусора.

– А там есть мусор? – Эдвин внимательно посмотрел на Чарльза. – Я слышал, что людей там даже не кормят, просто сортируют и сразу расстреливают подозрительных и евреев.

– У приговоренных к расстрелу отнимают практически все вещи, – угрюмо проговорил Чарльз, – эсэсовцы их потом тоже сортируют, забирают себе самые лучшие, а остальные сваливают в большую кучу. И потом в лагерь приезжает специальный грузовик, который забирает ненужное барахло. Единственный шанс для нас и, конечно, для Джона – попытаться вывезти его на этом грузовике.

– Но как мы его там спрячем? – старший Янсен посмотрел на Чарльза вопросительно. – Там же везде эсэсовцы, сторожевые вышки, мы просто можем не суметь сделать это незаметно. И сами провалимся.

Чарльз отхлебнул кофе из изящной чашки и поставил ее на блюдце.

– Возможно, все возможно. Но попытаться мы все-таки должны. Это последний шанс для Джона выжить.

– Конечно, попытаемся! – Эдвин согласился даже с радостью. – Но как мы добудем грузовик?

– Мы не будем его добывать, – улыбнулся Чарльз, – мы просто одолжим его ненадолго... Пусть Марсель потрудится!

* * *

Черный, словно облитый густой краской грузовичок – исключение составляли только блестящие стекла кабины – протиснулся на территорию концентрационного лагеря. Охранник с автоматом поднял шлагбаум и лениво махнул рукой – давай, проезжай.

За рулем сидел водитель, в кузове – двое рабочих. В их функции входила погрузка мусора в лагере и разгрузка его на свалке. Водитель-голландец раз в два дня совершал скорбные рейсы, боялся их, но отказаться не мог – немцы грозили немедленной расправой. Но при этом немецкая администрация оплачивала эти рейсы. Водитель постоянно выбирал между страхом и собственной выгодой. Каждое утро он искал рабочих для погрузки мусора и старых вещей, нанимая их прямо на свалке или на улицах города. Небольшая оплата привлекала многих, нуждающихся в подработке. В тот июльский день он выбрал двух молодых людей на городской свалке, которые, казалось, отчаянно нуждались в заработке.

Грузовик осторожно подъехал к большой мусорной куче – в ней перемешались старая одежда, обрывки бумаг и другое барахло. Марсель Янсен из кузова грузовика внимательно осматривал окружающую территорию. Знакомую фигуру он увидел не сразу. На людях, которые находились в концлагере, лежала тяжелая печать несчастья и страданий, словно гигантская черная птица своими черными, сделанными из вороненой стали крыльями накрыла их всех и крепко держала острыми когтями. И раны от этих когтей уже кровоточили, причиняя людям нестерпимую душевную и почти физическую боль. Все ждали последней черты, за которой земная жизнь теряет ценность и все становится неважным, только прошлая жизнь и сделанные в ней добрые дела...

Джон Сегерс выбрал удачное место – возле самой мусорной кучи. Запаха он практически не чувствовал – все существо Джона занимала мысль о предстоящей казни. Он не хотел умирать в таком юном цветущем возрасте. Но для человека с аристократическим воспитанием предательство тоже означало смерть. Смерть духовную. Смерть души и последующей физической жизни. Предательство для Джона было настолько противоестественным, что рассматривать его в виде возможной альтернативы происходящему он не мог, даже если бы очень этого захотел. Его сердце однозначно голосовало «против».

На плечо Джона опустилась чья-то ладонь. В этом прикосновении ему показалось чем-то знакомым, давно привычным. Он поднял голову, а потом взгляд. Перед ним стоял Марсель Янсен в невообразимо грязной, рабочей одежде. В руках он держал лопату и какую-то куртку, которую протягивал Джону:

– Эй, ты! Иди сюда, помоги!

Джон поймал на себе острый взгляд эсэсовца-охранника со «шмайсером», но Марсель быстро заговорил:

– Пусть этот бедолага нам поможет!

Охранник кивнул и отвернулся.

Марсель толкнул Джона и зашептал:

– Быстро! Полезай в кузов, будешь принимать мусор! Там на днище мешковина – залезь под нее. И лежи тихо, как мышь!

Джон старательно принял несколько охапок истрепанной одежды. От долгого лежания на траве к ним прилипли ярко-зеленые полоски. Эта картина словно протестовала всем своим видом против происходящего вокруг...

Уложив мусор на днище кузова, Джон аккуратно, чтобы не привлекать внимания резкими движениями, покрутил головой. Эсэсовца, который пристально смотрел на него, не было видно. Джон оттянул рукой мешковину, прикрывавшую доски кузова и, вдохнув, словно уж нырнул в узкое пространство...

В то же мгновение в кузов запрыгнул Марсель – чтобы грузовик не оказался «безлюдным», если вдруг на него посмотрят эсэсовцы. А охранники время от времени бросали взгляды на мусорщиков. Но ничего подозрительного не замечали. Через час-полтора Марсель с приятелем закончили загружать мусор, и машина, запыхтев от натуги, двинулась к выезду из лагеря. Взлетел вверх шлагбаум, отворились опутанные колючей проволокой ворота, и через несколько минут автомобиль уже катил по дороге на свалку. Когда черный грузовик притормозил на одном из поворотов, через борт быстро юркнула худощавая фигура. Марсель Янсен в этот момент весело болтал с водителем, обсуждая хорошую погоду и пытаясь договориться о дальнейшей подработке на свалке. Водителю не хотелось сразу соглашаться, он раздумывал и отшучивался, опасаясь, что эти два молодых человека приступят к обсуждению вопроса о повышении заработной платы. Когда они приехали на свалку, Марсель с другом быстро разгрузили машину, свалив вещи в несколько разных куч. Между этими кучами на земле валялась мешковина, укрывавшая дно грузовика...

* * *

Засада оказалась удачной. Автомобиль руководителя гестапо штандартенфюрера Шульца взлетел на воздух после взрыва мины на загородном шоссе. Операцию долго и тщательно готовили, предусматривая возможные варианты развития событий и намечая несколько путей отхода. Чарльз и Эдвин подолгу сидели над картой Роттердама и окрестностей, пытаясь предусмотреть все возможные случайности.

Самодельная мина сработала точно под правым передним колесом автомобиля Шульца. «Мерседес» подпрыгнул вверх и, словно в замедленной съемке, стал оседать на дорогу, постепенно окутываясь ярким шелком языков пламени. Погибли все: и Шулец, и водитель, и спутники главного эсэсовца Роттердама.

За ним шла машина с охраной. Но для этой машины на шоссе заложили еще одну мину. И она сработала без неожиданностей. Второй «Мерседес», объятый языками пламени, горел на шоссе рядом с первым.

Джон в момент взрыва сидел с «Вальтером» в придорожной канаве и готовился выполнить данные ему предписания – открыть огонь по охране, если кто-то останется жив после взрыва. Но перестрелки не было – самодельные мины сработали на редкость удачно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.